

С Т И Х О Т В О Р Е Н И Я Р А З Н Ы Х Л Е Т

236

Всю ночь, больной, безумный, в муках
О солнце грезил я без сна.
Вокруг ни шепота, ни звука,
Всё тускло — сумрак и луна.

Я солнца ждал во тьме, как чуда,
Всем сердцем полюбить готов
Звук долгожданный, шепот мудрый
Солнцеподобных ярких слов.

Но мгла была вокруг меня,
Был мрак — ни звука, ни огня.

1915

237. СЛУЧАЙНОМУ ПРОХОЖЕМУ

Мы в этом мире — ты и я, — мы оба здесь сейчас
Живем, идем, — куда идем? Одна судьба у нас.

Прохожий, стой. Давай в глаза друг другу поглядим,
И, может, другом назовем того, кто был чужим.

Остановись. Куда спешишь? Несешься со всех ног...
Быть может, есть в моих глазах для друга огонек...

Иль ты не рад, что мы живем, что встретились грудь
в грудь?
Иль без возврата вдаль уйдешь, как безвозвратный
путь?

223

Пройду и я, совсем один, своим путем-мечтой,
Путем, которым ты прошел, незрячий и чужой.

Прошел, незрячий — не взглянул и скрылся в тот же миг,
Но долго буду помнить я твой незнакомый лик.

Я буду помнить, как в пути — не призрак, не обман —
Какой-то человек прошел... Был вечер и туман.

1916

238

Меня чарует ночь и фонари,
Чарует улиц шум и мостовые,
Чарует люстры свет из-за драпри,
И блеск зеркал, их блики колдовские,
И мальчик с пачкою газет, и стук колес
Пролеток легких, и печальный, нудный
Напев бродяги, жалобный до слез, —
Вся скука и вся сказка серых будней.

1916

239

И для меня прервется путь земной,
Когда-нибудь глаза и мне закроют,
Забудут песни, сложенные мной,
И в землю плодородную зароят.

И так же будет солнце бытия
Для нив и рощ творить благодеянья,
И не поверит даже мать моя
В недолгое мое существованье.

И каждая простится мне вина,
И я сольюсь, растаяв легким дымом,
С преданием, как наши времена,
Величественным и неповторимым.

1916

240. СКИТАЛЬЦЫ НА МЛЕЧНОМ ПУТИ

Дорогому Вивану

И так мы живем, что нельзя
нам не жить.

Фет

Два бездомных скитальца на Млечном Пути,
Два скитальца в изодранной ветхой одежде,
Бремя наших скорбей мы привыкли нести,
Доверяясь неясной мечте и надежде.
Полюбили мы сердца случайный порыв
И видения в пору вседневных скитаний,
И, в бессонных глазах навсегда сохранив
Многозвездное небо в блаженном тумане,
Мы проходим теперь по дорогам Земли,
Сны покинувших Землю приняв как наследство.
И растаяло облачком серым вдали
Наше смутное и безотрадное детство,
Расточилось, растаяло детство, как бред;
Мы домой не вернемся, мы долго блуждали,
И попятной дороги на свете нам нет,
Потому что нам грезятся дальние дали,
И теперь нам единственный свет бытия —
Беспрерывные, вечные поиски цели.
Но глаза не увидели солнц золотых,
И сердца наши светлой не встретили дали,
И глаза неотступно в глазах у других
Златотканое звездное небо искали,
Млечный Путь, беспредельную даль — и светил
Торжество, и пространства сиянье благое.
Взор безжизненных глаз наши души студил,
Пламя сердца гасил равнодушной золою.
Преисполнилось сердце мое, и хвалу
Небесам вознести я желал, и не знаю,
Почему я пою про докучную мглу
Дней моих, заплутавших в томленье без края.
Опочило сказанье на дне моих глаз
О блаженстве в кругу синевы без предела,
О взаимовлияниях звездных рассказ,
И бесплодное сердце мое затвердело.

Нас не понял никто, и смешило людей
Наших пристальных глаз голубое свеченье,

И глумились над пламенем наших страстей,
Уходили, душе не даря утешенья.
И со смехом от нас отвернулась родня,
С нами только блудницы делили печали,
И разумные нас обходили, браня,
Лишь безумцы вполголоса нас привечали.
Не беда, что в безумье мы дни провели
И что мы задыхаемся, будто в дурмане.
Озаренные светом высоких мечтаний,
Мы покинем — счастливые — лоно Земли.

1916—1917

241. СЛОВО РАССТАВАНИЯ

Как часто я гасил в своих глазах огни,
Как часто звезды я в своей душе гасил.
Но в миг прощания былого не кляни, —
Пройдет, погаснет жизнь, но вечен песни пыл.

Пройдет, погаснет жизнь болотным огоньком,
Неясно брезжившим, печальным и немым.
А песня? Кто поймет, о чем я пел, о ком?
Печаль моей души достанется другим.

Был молчаливым я. Так мог ли видеть свет,
Чем жизнь моя была и что такое я?
Лишь знают, что, мол, жил, писал стихи поэт. . .
Вот так же знаю я, чем жизнь была твоя.

Я воспевал тебя, подобную цветку,
Печаль твоих очей и нежной речи звук,
Весь растворясь в любви, я пестовал тоску
Тянувшихся к тебе — увы, напрасно — рук. . .

Вот приближается туманный вечер мой.
Что делать мне, сестра, чтоб не рыдать в тоске,
Как примириться мне с той чашею пустой,
Которая дрожит в ослабнувшей руке?

Простят ли скорбь мою утраченные дни,
Во всем, что совершил, не усомнюсь ли вдруг?
Но, что бы ни было, родная, не кляни
Тянувшихся к тебе — увы, напрасно — рук!

1917

242. МОЯ ПЕСНЯ

Оставив Карс, его сады, под синим небом отчий край,
Дом из нетесаных камней, где юности я встретил май,
И даже Карине моей не крикнув издали: прощай! —
Бреду по городам чужим под гомон и собачий лай.

Бреду. . . Вокруг народу тьма, бегут, снуют туда-сюда,
Вокруг кипит чужая жизнь, шумит, как горная вода,
И кто мне скажет: ты за что? Кто скажет: ты дошел
А лица! Будто бы по ним топор прошелся невзначай. куда?

Как песни серенькой мотив, ленивый, нудный — эта жизнь,
Как незажившей раны боль, рубец подспудный — эта жизнь,
И для кого же, для кого тут будет сердце петь, скажи,
Тяжелым оловом годов наполненное через край?

Но пусть хохочет мир вокруг, — полубезумный нелюдим,
Измученный и всем чужой, пойду я, вечный пилигрим,
К Амента дальним берегам, к просторам неба голубым
Дорогой старых снов моих в край облаков и звездных стай.

Я все грехи готов простить и все долги перечеркнуть.
И буду я идти, идти, взор устремив на дальний путь,
И если в Карсе Карине вы встретите когда-нибудь,
Скажите ей, Чаренц сказал: прости-прощай, прости-
прощай!

1919

243. БЕССОННИЦА

Грохочут, грохочут, грохочут копыта,
Незримая конница тьмою укрыта,
Бьют землю подковы, земле не заснуть,
Бескрайняя ночь, нескончаемый путь...

Грохочут, грохочут, грохочут копыта,
Бьют землю подковы, земля вся изрыта,
И вот уже бьют мне подковы в висок...
О, мир непонятный, как смерти порог!

1919

244

Вот осень желтая уселась на пороге
И мерзнет, и дрожит... И шум листвы затих,
И поздние цветы склоняются в тревоге,
Пасть неба хмурого сейчас поглотит их.

И мерзнет, и дрожит мой старый пес, и жмется
К ногам, подняв глаза, и там, на дне зрачков,
Мерцает смутный страх, как в глубине колодца,
И «осень подошла!» он говорит без слов.

Да, осень подошла, мой пес! Теперь надолго
Мы лишены тепла. Прижмись к ногам, скули...
Она — голодная, и злость ее — от волка,
Она — туман седой, тоска и смерть земли.

1919

245

Темнеет — и в сердце мое проникает тоска,
И плачет вполголоса, как за стеной непогода,
И жалобы копит в углу своего тайника,
Корит меня каждой секундой минувшего года.

И ропот неясный я слышу всю ночь в полусне,
Он в мыслях туманных моих отзывается сиро,
И, кажется, он приближается тайно ко мне
Из непостижимо далекого мира.

И хаоса тысячелетнего ходит волна,
И скорбную душу бросает в пучину, и мимо
Проходят кружащиеся колесом времена,
Как путаный сон, недоступны и неуловимы.

То жалуется этот голос, безумный от слез,
То тихо зовет, как в потемках недужный ребенок,
То вскинется дико и, как в полнолуние пес,
Завоет спросонок.

И слушает сердце, как хаос, клубящийся в нем,
На сто голосов причитает, стонет и воет.
Так жизнь протечет, а потом в океане ночном
На дне равнодушная вечность мой дух успокоит.

1919

246. ТОСКА

Одной русской девушке

1

Я далеко, и больше нет
К прошедшему возврата.
Нет больше горечи тех лет,
Что мучила когда-то,
Тех улиц, тех больных огней, —
Роняя свет багровый,
Встают пожары красных дней,
Горя тоскою новой.
Вокруг меня огонь и дым,
Но, полон прежним чувством,
Я всё еще томлюсь твоим
Очарованьем тусклым. . .

Отдаться б вновь тоске дождя,
Твоим продажным чарам...
И детская душа моя
Кричит, кричит о старом...

2

Спускались тени темноты,
Я выходил из дома,
И молча приходила ты,
Без слов, сама истома.
Был блеск греха и глубина
В глазах твоих усталых,
И запах кислого вина,
И тлен одежд увялых.
И молча средь вечерней тьмы
Какой-то парой странной,
Усталые, бродили мы
По улице туманной.
А ночью поздней и сырой,
Не проронив ни слова,
Мы спали, точно брат с сестрой,
В гостинице дешевой.
Где эти ночи, эти дни?
И за какой чертою?
Я помню их, со мной они,
Как ты всегда со мною.

1920

247

О ты, рассвет весны моей, как мне вернуть тебя
теперь?
Для сердца ты всего милей, как мне вернуть тебя
теперь?

И лето знойное мое, где столько солнца и тепла,
Мой полдень в золоте огней, как мне вернуть тебя
теперь?

230

И осень зрелая моя, вся золотая, как плоды,
Как грозди, полные лучей, как мне вернуть тебя
теперь?

Вы все оставили меня, теперь я стар и одинок,
И в сердце рана всё больней — о, как мне вас
вернуть теперь?

Старуха, к сердцу наклонясь, шепнула мне, что
смерть близка,
Что у моих она дверей. . . О, как мне вас вернуть
теперь?

1920

248. ГАЗЕЛЛА МОЕЙ МАТЕРИ

Лицо вспоминаю я, родимая мать моя,
Под сетью светлых морщин, родимая мать моя!

Сидишь перед домом ты; весенний зеленый тут
Бросает тень на тебя, родимая мать моя!

Сидишь ты молча и те печальные помнишь дни;
Они пришли и ушли, родимая мать моя!

Ты помнишь сына, давно ушедшего от тебя,
Куда он ушел тогда, родимая мать моя?

И где он живет теперь, он жив или умер давно?
В какие двери стучит, родимая мать моя?

Когда усталым он был, в любви обманутым, — в чьих
Тогда объятьях рыдал, родимая мать моя?

В раздумье печальном ты; баюкает нежный тут
Твою святую печаль, родимая мать моя!

И слезы горькие, вот, текут одна за другой
На руки, руки твои, родимая мать моя!

1920

249. МАРИОНЕТКА

Едва слышна, едва, едва,
Идет, идет, вот шаг и два,
Пришла, ушла, опять пришла,
Желта, бледна, едва жива.

Рукой махнет — то вниз, то вверх,
Ногой стучит — мертвец, мертвец,
И лбом — в проем, с трудом, с трудом,
Рукой махнет, и вдруг — конец.

Гляди — шатается, ползет,
Вот упадет! И вновь порыв —
Губа дрожит, открыла рот,
Застыв на миг, взор в смерть вперив.

На миг. . . И — в крик, как от ножа,
Глаза уставив вдаль, мертва. . .
Вот так умрет моя душа —
Едва слышна, едва, едва. . .

1920

250–252. ПАМЯТИ ВААНА ТЕРЯНА

1

Ваан Терян, как восхвалить мне память твою?
Пускай темнеет тихий вечер в нашем краю,
На сердце ляжет черной тучи тягостный гнет,
И плачет ливень, и о смерти ветер поет.

И листья мертвые мелькают передо мной
И устилают, друг мой дальний, твой путь земной,
И песнь чуть слышную заводит влажная мгла,
И славят боль твоей печали колокола.

2

Ты удаляешься. Ни вести, ни следа.
Теперь уже навек твое умолкло слово.
Нет, — сердце чувствует: ты вновь придешь сюда,
Когда настанет ночь и дождь заплачет снова.

Когда настанет ночь, когда в бессонной мгле
Обида вновь начнет язвить воспоминанья,
Ты возвратишься к нам, чтоб петь в пылу страданья
Любовь — последнюю, быть может, на земле.

Ты вновь придешь сюда, и вновь своею песней
Бессолнечных сердец зажжешь остывший прах,
Чтоб солнца и светил прекрасней и чудесней
Высокие мечты зажглись в людских сердцах.

И мы почувствуем, как дорог нам печали
Огонь в больной крови, что нам тобою дан,
Что песни мы светлей, чем песнь твоя, не знали,
О мой далекий друг, о мой Ваан Терян. . .

3

Ты был светлым. И ты ушел.
Легким, как облаков гряда.
Ты нездешней мечтою цвел.

Ты в сердцах зажег навсегда
Негасимый огонь мечты,
Ты сокровища нам принес,

Озарил беспросветный мрак
Вечным светочем красоты.
Этот светоч в тоске — маяк.

1920

253. ЛЕТО

Настало лето, жарок день,
Дивится урожаю мир,
В саду цветущем — свет и тень. . .
Что ж беззащитен я и сир?

Я взял у солнца и земли
Всё, что могли мне дать они,
И семена мои взошли. . .
Что ж я грущу в такие дни?

Мне урожай собрать дано,
И станет полной чашей дом,
Но сердце всё еще темно,
Не слышно летней песни в нем.

Кто знает, сердце, жизнь твою
И тайные твои мечты,
И почему я слезы лью,
И почему в смятенье ты?

1920

254. ВИДЕНИЕ СМЕРТИ

Натянутой струной, заброшенно и сирю
Душа в предчувствиях томится от тоски,
Последняя моя передо мною лира —
Веревка грубая, крест-накрест две доски.
Как мрачное судьбы моей прозреньё,
Как обещанье, что нарушил я,
Двух этих досок гордое скрещенье
Ждет жертву, чтоб помочь уйти из бытия.
Под виселицей, так зловеще близкой,
Веревка серая качается в тиши,
Как тихая печаль моей наирской,
Осиротевшей некогда души. . .
Вечерний час, и в тишине глубокой,
На одиночество осуждено,
Всей грустью этих дней, всей тяжестью жестокой,
Тоскою смерти сердце пленено.
А магазины, улицы, невольню
На лиру смерти пялящие взгляд,
Вокруг нее сутулятся безвольно, —
Что ждут они? Чего они хотят?
Чей это замысел, чтоб жить мне было нечем,
Чтобы душа томилась от тоски,
Кто превратил рассвет мой — в скорбный вечер,
В веревку серую и в эти две доски?
Быть может, я из осиянной дали
Вам не принес желанного огня,
Чтобы в Наири не благословляли
Звучаньем лиры наступленье дня. . .

Теперь пойду. С наирскою мечтою,
С любовью в сердце, с пламенем певца, —
Хоть этой чести, может быть, не стою, —
Пойду свой долг исполнить до конца.
Со мной сквозь сумерки пойдет печаль моя,
И горло захлестнув петлею в час полночный,
Покачиваться тихо буду я —
Трагический и непорочный. . .
Да не востребована будет ни одна
Отныне жертва, — я за всех ответил.
В глазах повешенного пусть моя страна
Узрит грядущий день — он будет чист и светел.
Глаза, вываливаясь из орбит,
Грядущему пусть улыбнутся веку,
И виселица пусть отныне не грозит
Ни одному на свете человеку. . .

1920

255. ТРИОЛЕТ Л. Б.

Тому, кто любит жизнь и славит Землю нашу,
Отрадней на Земле и легче трудный путь.
Когда не хочешь ты в трясине потонуть, —
Ты должен жизнь любить и славить Землю нашу,
И чашу грусти пить, как пьешь веселья чашу.
Не лей напрасных слез и жалобы забудь.
Тому, кто любит жизнь и славит Землю нашу,
Отрадней на Земле и легче трудный путь.

1921

256. БЛАГОВОСПИТАННОЙ Л.

Душа и тонка у вас и накрахмалена,
Ваше сердце — собачка заласканная.
А моя душа — среди трущоб, на развалинах,
Ночует, зубами от холода ляская.

Душа и тонка у вас и накрахмалена, —
Получена от мамы и папы.
Скажите, испытывала печаль она?
Скулила, присев на задние лапы?

Такое бывает с душой не со всякой.
А с вашей, скажите, может случиться,
Что с первой встречной бродячей собакой
Она обнюхается. . . и случится?

Простите. . . Душа — это всё, что имею,
А в ней бесприютно, тоскливо и пусто.
Благовоспитанно не умею,
Как вы, скрывать свои чувства.

Кровоточат души моей клочья,
Чего ж мне стесняться, скажите на милость?
Придет весна — и пущу ее ночью,
Чтобы со всеми соединилась.

Что из того, что, когда в тиши
Она запоет, насытятся,
Откроются язвы на деснах души?
Сочувствовать не торопитесь.

На тротуарах — я щедро, я сам,
Сбросив с души одиночества гирию,
Снова швырну ее уличным псам,
Раздам, раздарю, растрянжирю.

Проститутки мне сестрами станут — не страшен!
Псы станут братьями, жарко дыша. . .
И чужою останется — только ваша
Накрахмаленная душа.

1921

257. КРАСНЫЙ СОНЕТ

Поэт всегда с людьми, когда шумит гроза.

Брюсов

Грядущее горит неистово-багрово,
Как меч, что выхвачен из ветхих ножен дней,
И в пыльные ножны не возвратится снова,
И не исчезнет в днях, ушедших в мир теней.

Чего же хочет ваш убогий, глупый бред?
О чем скулит ваш мир, в тоске смертельной рушась?

Что пережито в днях и что воспел поэт, —
Не сокрушат ваш гнев, отчаянье и ужас!

Теперь отходят дни с свирепой быстротой,
Как пыльные ножны от лезвия стального,
Когда, сойдясь с врагом, ведешь невольный бой.

И, полный мудрости поэт, пою я снова.
Вот отступают дни, уходят в мир теней, —
И песнь летит стрелой к заре грядущих дней.

1921

258

Кто встретится, кто скажет «здравствуй»?
Кто светом душу озарит?
Кто не усмешкою бесстрастной,
А добрым словом одарит?

Кто поделует, зарыдает,
Кому близка печаль моя?
Быть может, где-то есть — кто знает! —
Живущий тем же, чем и я?

Быть может, все мои волненья,
Всё то, чем я сейчас живу, —
Обманчивое сновиденье,
Лишь снящееся наяву.

Быть может, в горький миг страданья
Я про чужую боль пою,
А мне во мраке мирозданья
Мерещится, что — про свою...

Привет тебе, мой неизвестный,
Тоскующий товарищ мой!
Привет и юности чудесной,
Грядущей юности земной!

И вас, ушедших в тьму немую,
Улыбкой грустной помяну я.

1921

237

Ветер,
 Ветер осенний
 Рыжих своих скакунов
 Выпустил в мир и потом
 Пал на ступени,
 Ртом
 Огромным дыша.
 В агонии мечется его душа.

Ветер,
 Ветер осенний
 Гудит, тут, рядом.
 Подгоняя друг друга,
 Тучи пыли несутся
 Обезумевшим стадом.

Ветер,
 Ветер осенний...
 Сумрачный город,
 Прохожих тени, —
 Всё это кажется желтым бредом...
 Ветер несется следом...

Улицы длинные, скучные,
 Как дождь осенний, беззвучные.
 Зданья стоят сутулясь...
 Мрачные дебри улиц...
 Жестокие, многоокие, притаились, ждут.
 Как страшно, как страшно, как страшно тут.

Ветер,
 Ветер осенний
 Заблудился среди улиц,
 В бесконечной их смене.
 Охваченный смертной дрожью,
 Сейчас все преграды
 Смести он может.

Ветер,
 Ветер осенний

Гудит,
Сердит,
Сотрясает сухие вывески.
Как помочь, из беды его вывести?
Он мечется птицей железокрылой,
В рамы стучится всей силой.

Затерян в безлюдном городе,
Всё кружится, кружится.
Точно пантера в ярости, —
Глаза замутились песком, кровью,
Бросается вдруг на кровли,
На сникшие в страхе бульвары.
Рвут желтые космы свои, обезумев,
Деревья, подобны старухам в отрепьях,
Трясут головами, кляня свой жребий.

Деревья больные и дряхлые,
Деревья кривые и чахлые,
Деревья, как нищенки, голые.
А ветер сечет их старые головы,
Пророчит зловещим голосом:
Никогда,
Никогда,
Никогда!

Ах, сжальтесь над ними!
Распяты на пустынных бульварах,
Поникли они под ударами ветра,
Спасите их, старых!
Слушайте, слушайте, слушайте!
В пору этой агонии страшной,
В час потрясений,
Вспять повернет и ворвется к вам в души
Ветер,
Ветер осенний.

1922

260. ПОХОРОННЫЙ МАРШ

Памяти коммунаров Кантона

Вы слышите, вы слышите? В Кантоне
Ликует враг, восстанье задушив.
Там — каждый угол в грохоте и стоне,
Там — добивают тех, кто полужив.
Там Ван Тин-вея палачам проклятым —
Раздолье. Город трупами покрыт,
Он пулями пронизан, он горит.
Борьба неравная с врагами шла там,
И красные бойцы, за строем строй,
Валились, словно травы под косой.
Дымится кровью горизонт багряный,
Глубокие на нем зияют раны. . .
Вы слышите, вы слышите ли? Рано
Свою победу торжествует враг!
Товарищи, погибшие в Кантоне,
Как прежде, реет ваш священный стяг,
И ваша ярость стала исступленной.
Придут, придут урочные часы,
Настанет день великой нашей славы,
Тебя мы свергнем, Чан Кай-ши кровавый, —
От ужаса твои завоюют псы.
Скорбя, но головою не поникши,
Стоим мы — все, кто уцелел в бою.
Настанет день — и голову твою
Насадят на кол, торжествуя, рикши.
Товарищи, в шеренгах боевых
Сраженные на улицах Кантона,
Неколебимы красные знамена,
Вы в мире смертью утвердили их.
Они встают от края и до края,
Древками упираясь в небосвод.
Бойцы ложатся, в схватках погибая,
Но революция — всегда живет!

Декабрь 1927

Ինչ քան անտարբեղ էս կողմից քան քանիսն էր հարկույն...
Եւ քանիսն էր հարկույն, ինչի համար, ինչի համար...
Ինչի համար ինչի համար ինչի համար...
25.1.1936.

Պատկերը պատրաստեց
մանկապարտեզում
Տաթևուհի
Արսենյան
23/1 1936
3րդ դաս

МАХАТМА ЗАДЕНЦ

261. БЕЗ ЗАГЛАВИЯ

Ты помнишь ли глаза
Той девушки простой,
Ты так тогда любил
Их ясный нежный свет,
Стыдливый поцелуй
Той девушки простой,
Которой был ты мил,
Которой больше нет.

Ты помнишь, как она,
Прощаясь в страшный час,
С улыбкой на тебя
Взглянув в последний раз,
Сказала: «Не грусти,
Не омрачай чела,
Чтоб память обо мне
Была всегда светла».

1929

262. МОЕМУ ЧИТАТЕЛЮ

Шлю тебе мою работу,
Как меж нами повелось.
Прочитай, а нет охоты —
Книгу в сторону отбрось.

Всё вложил я в строки эти.
Как я жил и как страдал —
Ни один поэт на свете
За меня б не рассказал.

Сердцем разбери сурово,
Есть ли в книге мастерство, —
Нету критика другого,
Кроме сердца твоего.

1929

263. ПОЭТУ — ЧИТАТЕЛЮ

Быть может, ты согласишься с удивленьем
На этот стих, где вычурности нет,
Склонясь с усмешкой над стихотвореньем,
Ты скажешь: до чего дошел поэт!
А он лишь простоты добился ясной,
Дающей работой ежечасной.

Мы одолели сложный, величавый
Тонических стихов певучий ритм.
Учись писать, как тот поэт кудрявый,
Что с нами чрез столетье говорит.
Как ясны эти ямбы и хорен,
Как мужественен, чист его язык,
Зовет он к жизни, жаром души грея,
И этим он бессмертен и велик.

1929

264. НАШ ЯЗЫК

Дикий наш язык и непокорный,
Мужество и сила дышат в нем,
Он сияет, как маяк нагорный,
Сквозь столетий мглу живым огнем.

С древности глубокой мастерами
Был язык могучий наш гранит,
То грубел он горными пластами,
То кристалл не смел сравниться с ним.

Мы затем коверкаем и душим
Тот язык, что чище родников,
Чтобы на сегодняшние души
Не осела ржавчина веков.

Ширятся душевные границы
И не выразят, чем дышит век,
Ни Теряна звонкие цевницы,
Ни пергаментный Нарек.

Даже сельский говор Туманяна
Нас не может в эти дни увлечь,
Но отыщем поздно или рано
Самую насыщенную речь.

28 января 1933

265—267. О. Т.

1

Пред нами он не весь. Души его простор —
Безбрежный океан. Весь мир в него вмещался,
И с берегов души кидая светлый взор,
Он видел сны, и пел, и думам предавался.

15 апреля 1933

2

Его читая, я постиг: лорнец гениальный
С Гомером, с Гете — равный гость в беседе на пиру,
Пьет с ними рдяное вино под кубков звон хрустальный,
Как пили прадеды его, склонясь лицом к костру.

15 апреля 1933

3

Могуч, как земля родная, в ее глубь он корни вонзил,
Наирийским соленым потом стихи свои окропил.
Отчизны жгучего солища он лучом золотистым был.
Могуч, как земля родная, в ее глубь он корни вонзил!

17 апреля 1933

268. БЕЗ ЗАГЛАВИЯ

Прекрасней нет детей на свете,
Чем ты, моя малютка дочь.
А скоро подрастешь немножко
И крикнешь со двора в окошко:
«Гляди, кругом играют дети
Такие же, как я, — точь-в-точь!»

19 апреля 1933

269. ГЕЙНЕ

О, Генрих Гейне,
О, Генрих Гейне, —
Звучит твое пенье,
Зовет твое пенье,
Как ветра веянье. . .
О, Генрих Гейне,
О, Генрих Гейне. . .

Барабанщик отважный,
Боец и поэт,
С тобою пел каждый,
С тобой пел весь свет.
В грядущем не меркнут
Твой день и век твой,
Пусть небо отвергло
Песнь будущих лет. . .
О, Генрих Гейне,
Боец и поэт.

23 мая 1933

270

Я стал свободен, я воспеть власть человека пожелал,
Всю жизнь пожертвовать любви по воле века пожелал.

Тем величава в дни мои, тем и прекрасна песнь моя,
Что запылал ее огнем я при начале бытия.

В мои сверкающие дни из праха новый мир встает,
И я велик, — судила мне судьба в грядущее поход.

И если песню дней моих услышишь ты меж этих строк,
Намного больше строк моих велик я, значит, и глубок.

О, знай, что если песнь моя гордиться может
чем-нибудь,
То тем, что в ней отражена величественной эры суть.

Так, значит, слава дням моим, дыханью дней моих хвала!
В сравненье с ними песнь моя ничтожно кажется мала.

Но если отразила их хотя б одна моя строка,
Тогда б из мертвых я восстал, века я жил бы и века.

На веки вечные теперь своими днями я велик,
Так славься ж, песнь моя, и ты, великих дней моих
дневник!

1934

271. МОЕЙ МАЛЮТКЕ

Дитя мое, дитя мое,
Бесценное мое,
Жизнь трудная, упрямая,
Как победить ее?
В борьбе живет вселенная,
Покоя мир лишен, —
Дитя мое бесценное,
Отец твой побежден...

1934

272. ЯЗЫК ВОЛНЕНИЙ

Поет прохладный ветерок,
Роняет дождь слова в тиши...
А ты умолк, ты изнемог,
Язык взволнованной души?

О, немощны стихи, когда,
Весенней радостной порой,
Цветет и пахнет резеда,
Звенит источник под горой!

Фиалки милых глаз цветут,
И ты весной любовью пьян...
Не властны чары песен тут,
Не властен даже и Терян!

Волнует ключ, струей звеня,
Печалит зорь багряных цвет...
Язык стихий, язык огня —
Ты не владеешь им, поэт.

1934

273. УДИВИТЕЛЬНАЯ ОСЕНЬ

Такая осень нас еще не посещала,
Как войны вождю, мы покорились ей.
В ней мудрости исток, иных поэм начало,
И клич ее — борьба во имя новых дней.

Осенний ветер к нам ворвался ратным зовом,
Пронесся в небесах воинственной трубой,
И ливни обдают дыханием суровым...
Я силами готов помериться с судьбой.

Мерещится, что дождь оплел чуть видной сетью
Вселенную и нас, и мы теперь — одно.
Но взбушевался лес недаром на рассвете,
И нынешнюю грусть согнать ему дано.

Шуршащий листопад, не смерть и не томление —
Ты возвещаешь мне величие труда.
Ты молодость и жизнь, источник вдохновенья, —
Я осени такой не видел никогда.

1934

274. ВАЛЕРИЮ БРЮСОВУ

Глубок и холоден, искусен и учен,
Историей свое питаю вдохновенье, —
Когда постигли нас и скорбь, и разрушенье,
Ты с нами был, в чаду неистовых времен.

Печален был наш дом, погасло оживленье,
Наш путь — в те злые дни за мглой терялся он,
Казалось, гений наш лежал в реке забвенья, —
Но ты смотрел вперед, страдаьем не смущен.

Ты смело бросился в водоворот бездонный,
И восхитил тебя во тьме таймый клад,
И, мудрый плаватель, открытjem опьяненный,

В стране, где до поры господствовал разлад,
Народа-гения ты вынес дар бесценный,
И память о тебе останется нетленной.

1934

275

Оставив мир, забыв себя,
Живу тоской воспоминанья,
Вновь о тебе пою, скорбя,
Моя любовь, мое страданье.

Ах, песня у любви одна,
Но так полна она тревоги,
Так глубока, что нет в ней дна,
Как нет конца моей дороге.

И ты поешь в душе моей,
Не умолкая, не стихая,
О скорби уходящих дней,
Бесценная моя, святая.

Как время — бесконечна ты,
Нет речи у тебя, молчащей,
И всё возвышенной мечты,
Всё глубже ты, подобно чаще.

1935

Беззубый человек с затылком черепахи
 Сидел на мне, душил меня, и с губ его
 Яд падал мне на грудь, на воротник рубахи,
 И звали Нежностью знаконца моего.

1935

277. СОВЕТСКОМУ АЗЕРБАЙДЖАНУ

В СВЯЗИ С ЕГО ГЕРОИЧЕСКИМ 15-ЛЕТИЕМ

Народу братскому привет! Одно и то же
 Сияло солнце нам, мы ели хлеб один,
 Нас вместе мучил царь и тюрьмами и ложью,
 И вместе в эти дни достигли мы вершин.

Во имя прошлого безмерного страданья,
 Во имя жизни, нам представшей среди побед,
 Во имя дружного, в союзе, созиданья, —
 Народу братскому мы шлем привет, привет!

1935

278. СЕРДЕЧНОЕ СЛОВО К БРАТСКОЙ ГРУЗИИ

В СВЯЗИ С 15-ЛЕТИЕМ ЕЕ СОВЕТИЗАЦИИ

Край величавый, обратись к весне живительной своей,
 К весеннему разливу чувств, порывов, красок и огней.
 Ты — в шестивии. Весь в розах путь, положенный тебе
 судьбой.
 Певец земли армянской, — шлю тебе привет сердечный
 свой.

Тебя заверить я хочу, страна нетленных песен, снов,
 Немало раз мой край — мой сад — испытывал набег
 врагов
 Подобно краю твоему, и ночью злой немало раз
 Под натиском свирепых бурь светильник наш нетленный
 гас.

Желаний, чувств горячих край, тебе хочу напомнить я,
Страдали вместе мы всегда, не знали счастья бытия.
Мой край нагорный, как и ты, от испытаний изнемог,
Век наши нивы и сады один и тот же пламень жег.

Одна и та же нас в былом душила черная рука.
Так, угнетаемые, мы бок о бок прожили века,
Покамест солнце Октября над нами не произило туч
И с севера не заблестал надежды золотистый луч.

На благородную борьбу одновременно встали мы,
И, рабства сбросивши ярмо, из вековой мы вышли тьмы.
Пора настала — всей страной, согласьем братьев
и друзей
Безоблачную строим жизнь, торопим утро новых дней.

И вот, веселый взяв бамбир и лиру звонкую свою,
Я славу воздаю тебе, ликуя, жребий твой пою.
Великий Ленин указал нам бесконечный путь вперед.
Поныне тем прямым путем народ в грядущее идет.

Победно об руку с тобой идем мы, солнцем залиты,
Стремимся в будущее грез, мелодий, света, красоты,
К безудержным порывам чувств, надежд, на пиршество
мечты.

Высокий край! Отрадно петь армянскому поэту, мне,
Твой бурный рост, твой поворот к неувядаемой весне,
Где мы бессмертье обрели с твоим народом наравне.

1336

279. ПАМЯТИ АРХИТЕКТОРА АЛЕКСАНДРА ТАМАНЯНА

Последний миг — он вспыхнул, как лампада. . .

Когда сознание погружалось в тьму,
Вдруг легкая сквозная колоннада
Отчетливо представилась ему.
Увидел он в предсмертное мгновенье,
Короткое, но равное векам,

И мраморные теплые ступени,
И башни, что стремятся к облакам,
Проспектов улетающие стрелы,
Газонов шелковистую траву,
Туф — розовой мерцающего тела,
Небесную базальта синеву.
Отчетливо — до умопомраченья —
Представилось ему в последний раз
Фонтанов серебристое свечение,
Великолепье скверов и террас. . .
К виденью синему из камня и металла
Рукой он потянулся, но она
Отяжелела и на грудь упала,
И смерти
наступила
тишина.

1936

280. МОЯ УТРЕННЯЯ ЗВЕЗДА

Рано-рано проснись поутру,
Чуть рассвет затеплится — встань
И увидишь звезды голубой игру,
Осиявшей раннюю рань.

Так же имя твое в былом
Засияло, Чаренц, светло.
Что за бездна его поглотила потом?
Что звезду с высоты свело?

Нет, не солнца горячий луч
В ранний час погасил звезду.
До зари еще темное воинство туч
Поднялось тебе на беду.

И звезда погасла во мгле,
Закатилась в бездонный провал.
Жажда песни томила сердца на земле,
Но Парнас —
Без тебя ликовал.

1935

281. БЕЗ ЗАГЛАВНЯ

Жене и другу — Изабелле

В тот день, когда умру, померкнет неба даль
И ляжет тишина на город в тусклом свете,
Как туча темная, как старая печаль,
Как весть о бедствии, прочтенная в газете.

Подобно женщине, оставшейся вдовой,
Подобно той, кому боль замутила взоры,
Побродит эта весть сперва по мостовой,
Потом войдет в дома сквозь двери и заборы. . .

Как продавец газет, полуслепой старик,
Что, шаркая, придет и под окошком встанет,
Она зайдет в любой закуток и тупик,
Пройдет по всем домам, во все дворы заглянет.

Как тень, из дома в дом скользящая, она
Невидимо скользнет неясною надеждой,
Как зимней полночи немая тишина,
Над городом моим повиснет тучей снежной.

И в этот час ночной, борясь со властью сна,
Во всех сердцах блеснет и на момент застынет
Уже туманное, как бледная луна,
Лицо мое, навек угасшее отныне.

И те, кто никогда не знал меня в лицо,
Те, для кого я был песчинки неприметней,
Кого я потешал как острое словцо
И для кого я был легендой или сплетней,

И тот, кто на земле был эхом дней моих,
Смотря на жизнь мою, как равнодушный зритель,
Кто думал, что меня давно уж нет в живых,
Не знал стихов моих и книг был не любитель, —

Все, все они, узнав, что больше нет меня,
Опустят головы, дивясь внезапной дрожи,

И в ту минуту я, не друг и не родня,
Им многих покажусь роднее и дороже. . .

И на земле, как пыль, завившаяся в смерч,
И в душах, словно тень прошедшего, предстанет,
Восстав из праха дней и побеждая смерть,
Неясный призрак мой и снова в сумрак канет.

И в городах больших, и в деревнях глухих
Весть облетит дома, скользнет в сених,
в прихожих,
И боль такую же, как и в груди у них,
Прохожие прочтут в глазах других прохожих. . .

И будут все глаза безмолвны и сухи,
Так, словно скорбь одну сердца их затаили,
И люди, позабыв про все мои грехи,
Простят меня, как мне стихи мои простили.

И книгу с полки взяв, раскроют наугад,
Прочтут мои слова и, медленно листая,
Задумаются вдруг, во тьму уставив взгляд,
И память обо мне овеет грусть живая. . .

И может быть, одна, в час поздний и глухой,
Взяв карточку мою, без драмы и без лозы,
Посмотрит женщина в глаза мои с тоской,
На снимок выцветший роняя молча слезы.

И снова прошлое на время оживет,
И осветятся вдруг судьбы погасшей грани,
И жизнь моя опять пройдет за годом год
В неясном зеркале ее воспоминаний.

То, чем я был, и то, что раньше было мной,
Уж не воскреснет вновь и в самом кратком миге,
Не повторится, нет, ни в песне ни в одной
И ни в одной уже на свет рожденной книге.

1936

282. ЭПИТАФИЯ

(Комитасу)

Здесь только прах поконится, не гений,
Оплаканный недолговечный прах,
Здесь вечное обрел упокоенье
Учитель, песнопевец и монах.

А то, что было гением, душою,
Живет, свершая путь великий свой.
Мир праху, взятому навек землею,
И слава песне, навсегда живой.

6 июля 1936

283. МАНОН ЛЕСКО

Манон Леско, невинная душа,
За деньги отдавалась, без любви,
Лишь телом по ночам принадлежа
Мужчинам нечестивым и дурным,
Когда рассталась с рыцарем своим
Манон Леско.

Но, верная своей любви большой,
Не ради золота, а всей душой
Любила неизменно, глубоко,
Так, что, деля свою постель с другим,
Не расставалась с рыцарем своим. . .
И вот осталась чистой и святой
Манон Леско.

1929—1936

284. ПАМЯТИ АРИНК

(Баллада)

Когда она пришла ко мне впервые,
Весна любви, и я в сиянье дня
Ее цветы увидел полевые,
Раскрывшиеся словно для меня,

Как маленький ручей, весны глашатай,
Как струны лиры, тронутой слегка,
Журча, из жизни навсегда ушла ты,
Любовь моя, бездонная тоска...

Как ключ невидимый, чей звук хрустальный
Как будто к нам из-под земли проник,
Чтоб в тишине торжественно-печальной
Звучать, не умолкая ни на миг,
Так ты поешь в душе моей смущенной,
Невидима и вместе с тем близка,
Зовешь меня, манишь в тиши бессонной,
Любовь моя, бездонная тоска...

Ты мне поешь, и нет для сердца слаще
Той муки, что разит острой клинка,
Поешь мне песню жизни уходящей,
Любовь моя, бездонная тоска...
Всё та же песня — вечная тревога,
Глубокая, звучит в моей груди,
Она как бесконечная дорога,
Что будет новой, сколько ни иди...

И нет тебе, как времени, предела,
Твоя неизмерима глубина,
Тебя объять не хватит жизни целой,
Ты, словно небо, не имеешь дна.
И каждую весной как будто снова
Ты ту же книгу, за строкой строка,
Читаешь мне, и смысл в ней вечно новый,
Любовь моя, бездонная тоска...

И знаю я, что в час мой похоронный,
Когда я в землю возвращусь назад
И кипарисов траурные кроны
Над свежую могилу зашумят,
Твой голос зазвучит в их стройном хоре,
И будет на земле звучать века
Та песня, бесконечная, как море,
Любовь моя, бездонная тоска...

1937

Словно камешки, брошенные в Арарат,
 Козни подлых подонков упали на скат,
 Не задев и слегка тебя в кратком бою,
 Натолкнулись на твердую волю твою,
 Откатившись, бесславно в болоте лежат,
 Словно камешки, брошенные в Арарат.

1937

286. МОЕЙ МУЗЕ

(Рондо)

Ты — чистая любовь, мой меч, мое спасенье,
 Единственный огонь во мраке трудных дней,
 Надежда светлая, сестра души моей.
 Даруемое мне тобою вдохновенье —
 Прибежище мое и радость жизни всей.
 Не расставалась ты со мной ни на мгновенье,
 Делила всё со мной по доброте своей:
 И раны, и цветы, и жар моих страстей,
 Ты — чистая любовь.

Как для не знающих земных забот детей
 Прыжки и карусель в стремительном круженье,
 Как лира для певца, сроднившегося с ней,
 Как сабля острая для воина в сраженье —
 Всего дороже мне твой свет во мраке дней,
 Ты — чистая любовь!

1937

287. АВЕТИКУ ИСААКЯНУ

Чем длинней путь годов моих,
 Тем страстнее тебя я чту,
 Тем смиренней к ногам кладу
 И любовь, и сердце, и стих.